

О судьбе отечественного джаза и предстоящем фестивале с Алексеем БАТАШЕВЫМ беседует его давний соратник по джазовой борьбе наш лондонский корреспондент Ефим БАРБАН.

— Насколько мне известно, вы первым назвали дату рождения российского джаза. Как вы отсчитывали его возраст?

— Я установил, что первое упоминание о звуках джаза в России — тогда она стала называться РСФСР — относилось к концерту, который состоялся 1 октября 1922 года в час дня в Москве, в Малом Кисловском переулке, в только что открывшемся ГИТИСе. Эту дату я привел в вышедшей ровно 30 лет назад своей книге «Советский джаз» и назвал ее днем рождения советского джаза, хотя это было не совсем точно: Советский Союз еще не существовал.

— Можно ли с уверенностью утверждать, что это был именно джаз, а не модная тогда «шумовая музыка»?

— Концерт дал «Первый в РСФСР эксцентрический оркестр — Джаз Банд Валентина Парнаха». Сам Парнах, автор первых аналитических статей о джазе, противопоставлял джаз шумовой музыке. Играл он то, что в то время играли негритянские джаз-банды в Европе. Парнах, слышавший современный ему джаз в Париже и приехавший в после-революционную Россию создавать свой джаз, старался подчеркнуть его пластическую сторону, в которой особо выделял эксцентричность. За это его и взял к себе Мейерхольд, где Парнах показал яркий образец того, что реформатор театра назвал биомеханикой.

— А как сложилась дальнейшая судьба основоположника российского джаза?

— Первый джаз существовал недолго, но дал ряд отмеченных прессой выступлений, а сам Парнах, как беззаконная комета, повлиял на Мейерхольда, Эйзенштейна и Мандельштама, отразился на страницах Маяковского и Булгакова, а для европейской культуры открыл имена поэтов жертв инквизиции. Для одного человека вклад в мировую культуру немалый. Его прах тихо появился в 1951 году на Новодевичьем.

— Отличался ли российский джаз своих первых десятилетий от его американских и европейских образцов?

— От Кинга Оливера и Армстронга — отличался. Но в Штатах королем джаза был сладкий Пол Уайтмен, в Европе царил Марек Вебер, и двум последним наш джаз был близок. И в наших лучших джазах было творчество, была своя самобытность. Некоторые записи оркестров Цфасмана, Варламова, Скоморовского, Утесова были на уровне.

— Чем вы объясняете запрет джаза и гонения на него в СССР в послевоенные годы?

— Советскую администрацию пугал не джаз одессофила Утесова или даже американолоба Цфасмана. Думаю, что тоталитарная власть унюхала дух свободы, который появился в джазе после войны вместе с принципом импровизационности и индивидуального самовыражения.

— Не по этой ли причине джаз оказался востребованным в годы оттепели — в эпоху первых российских джаз-клубов и фестивалей?

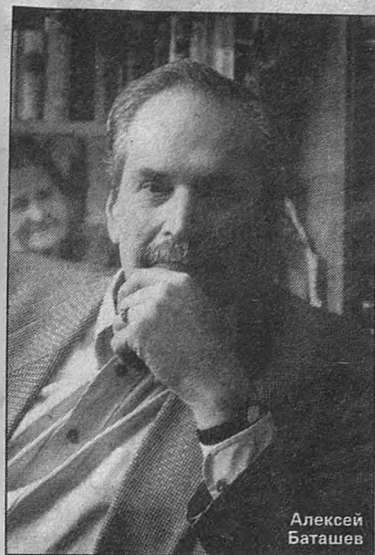
— Конечно.

— Обе российские столицы были лидерами нашего джазового движения. Там же возникли и первые джаз-клубы, впоследствии закрытые властями. Вы возглавляли в те годы Московский джаз-клуб. Какую роль сыграл ваш клуб в возрождении интереса к джазу в столице?

— Во-первых, до клуба джаз играли на танцах, на халтурах. Концертов не было. Клуб взял линию на филармонические джазовые концерты с грамотным вступительным словом знатока.

Джаз пугал свободой

Джаз-фестиваль в честь юбилея организует известный историк и популяризатор джаза Алексей Баташев

Алексей Баташев

Портрет
родоначальника
российского
джаза
Валентина
Парнаха
работы Пикассо

В Уставе клуба было записано: изучение и просветительство. Во-вторых, в клубе шла большая научная работа — собирались материалы по истории джаза в СССР, искались пути развития джаза в нашей стране. Мы спорили о Паркере и Колтрейне, о том, совместим ли свинг с русской традицией, а нас подозревали в спекуляциях «пластинками на ребрах». За два года — 1960 — 1962 гг. — произошел качественный скачок в джазовой среде.

Недавно перебирал свой бездонный архив, читал материалы московского и питерского клубов, в частности, и выпускавшийся вами рукописный журнал «Квадрат» и был поражен, как мы, кучка увлеченных романтиков, ставили задачи национального, государственного масштаба, проникали в тайны музыки, куда до нас не ступала нога дипломированных ученых!

— Ваша книга «Советский джаз» (1972) была первой с 20-х годов книгой о джазе, вышедшей в СССР. Даже сейчас, 30 лет спустя, она остается единственной систематической историей первого полустолетия российского джаза. Как она создавалась?

— На спор. В 1965 году от газеты брал интервью у директора издательства «Музыка». «Почему нет книг о джазе?» — «Никто не пишет». — «Через месяц принесу — напечатаете?» — «Несите». Принес через месяц рукопись «Советский джаз». Одобрили, сделали набор. А потом было обсуждение в эстрадной секции Союза композиторов. Набор рассыпали, ко мне приставили редакто-

ра, и в результате вышла в свет моя вторая книга под тем же названием. Через 20 лет те же силы не приняли меня в Союз композиторов, и я невольно оказался в одной компании с также отвергнутым Эдди Рознером.

— Подводя итоги 80-летнего развития российского джаза, что бы вы выделили в его истории в качестве главных достижений?

— Сбылась мечта, высказанная еще в моей первой рукописи: джаз стал неотъемлемой частью нашей музыкальной культуры. Да еще и престижной. Появились яркие индивидуальности, достойные мировой известности, — не буду перечислять имен, скоро я буду представлять их со сцены Зала Чайковского. А когда наши музыканты — уже в новой России — получили возможность свободно выступать в Америке и во всем мире, оказалось, что они не уступают американским коллегам.

— Значит ли это, что российский джаз нельзя считать ни эпигонским, ни провинциальным по сравнению с американским?

— Эпигоны ведь существуют всюду — и в Штатах тоже. Но в джазе, как в искусстве, более близком к так называемым устным культурам, этот термин не вполне приложим. Бабушку, рассказывающую старую сказку, никто эпигонем не называет. Наоборот, сегодня джаз из американского явления превратился в общемировое, в котором отразилось все человечество.

— Вас считают отцом «джазового бума» в Москве...

— Бум — не сирота, у него есть и мама — импресарио Майя Кочубеева. Она не только автор многих идей и проектов, привлечших к джазу в последние три-четыре года широкую публику. Она и блистательный реализатор. Я почувствовал резкий рост популярности джаза после доброй сотни моих телепередач в 1995 году и после серии наших концертов в Зале Чайковского и Большом зале Консерватории начиная с 1998 года. Многие концерты, которые показывает телевидение, сделаны нами. Мне была оказана честь представлять российский джаз президенту Путину и президенту Клинтону.

— 1 октября в Москве начинается организованный вами фестиваль, посвященный 80-летию российского джаза. Что и кого услышат москвичи на его концертах?

— За три концерта невозможно показать всех и рассказать обо всем. И все равно будет много ослепительных имен и много нового. На фестивале состоится несколько премьер. Будет показан восстановленный «Первый джаз» Парнаха, а самого Парнаха представит наш уникальный актер и философ танца Илья Рутберг. Выступит «Джаз Утесова» — есть, оказывается, в России оркестр, играющий по старым партитурам тем самым звуком. Отдельно в консерватории будет концерт музыки оркестра Эдди Рознера — по нашему заказу выдающийся оркестровщик Владимир Прохоров восстановил пропавшие ноты незабываемого оркестра. Но главная сенсация: на одной сцене впервые появятся Елена Образцова и Олег Лундстрем! Впервые в России прозвучит «Блюз» Дюка Эллингтона, написанный и сыгранный в 1943 году, на секундоочку, в Карнеги-холле, причем для сбора средств в помощь воюющей Красной Армии. И дирижировать своим оркестром будет сам Олег Лундстрем, дай Бог ему здоровья.